

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Криман Анастасии Игоревны на тему «Истоки и смысл постгуманизма в социально-философском контексте», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация Анастасии Игоревны Криман посвящена течению постгуманизма, возникшему на рубеже III тысячелетия, активно набирающему обороты и выдвинувшемуся в последнее десятилетие в центр научных дискуссий. А.И. Криман справедливо рассматривает постгуманизм как социально-философский феномен, показывая закономерность его возникновения в современную эпоху, характеризующуюся стремительным, экспоненциальным ростом информационных технологий и биотехнологий, резким обострением глобальных проблем, ценностным кризисом и связывая его с идущей в философской мысли последней четверти XX – первой трети XXI вв. деконструкцией человека и де-антропологизацией, представляющей собой, как формулирует это соискательница, «отказ от антропоцентрического взгляда на мир, живых существ и технику», «стирание концептуальных границ между ними» и одновременный «поворот к “не-человеческому”», постулирование «ценности» и «субъектности» «других существ и объектов» мира (с. 4 диссертации).

Перед нами зрелая, выношенная и, я бы сказала, выстраданная работа. А.И. Криман была одной из первых российских ученых, обратившихся к системному исследованию постгуманизма. Ее значимые, содержательные публикации в рецензируемых научных журналах, посвященные феномену постгуманизма, многочисленные выступления на научных конференциях (более 40), в том числе зарубежных, организованные соискательницей научные конференции и круглые столы (более 10), разработанные и прочитанные учебные курсы, проведенные факультативы, яркие публичные лекции, выступления в СМИ, участие в качестве эксперта по

постгуманистической философии на различных научных и культурных площадках — убедительно свидетельствуют о серьезной погруженности автора в проблематику постгуманизма и одновременно — о его научном авторитете. С этой точки зрения, сегодняшняя защита — это в полном смысле слова восстановление справедливости по отношению к одному из первых исследователей постгуманизма в нашей стране.

Следует особенно отметить композиционную стройность диссертации, продуманность ее структуры. В работе А.И. Криман все подчинено достижению главной цели: исследованию постгуманизма в социально-философском аспекте и определяемым этой целью задачам: анализ становления постгуманизма как «нового социально-антропологического дискурса», разбор его «ключевых идей» «и их теоретических следствий для современной философии», проведение демаркационных линий между постгуманизмом и трансгуманизмом как «альтернативным идейно-теоретическим проектом будущего». Как цель исследования, так и обозначенные А.И. Криман задачи представляются актуальными и перспективными, а само исследование обладает высокой теоретической значимостью, представляя опыт концептуализации одной из ведущих философских теорий современности, стремительно набирающей популярность и претендующей на то, чтобы определять мировоззрение и поведение человека будущего, задающей вектор социальной трансформации, активно востребованной представителями актуального искусства.

Работа строится на обширном философском материале. В научный оборот вводится большое число источников, в том числе англоязычных: это и работы ведущих создателей и исследователей постгуманистической теории (Д. Харауэй, К. Вулф, Р. Брайдотти, К. Барад, Ф. Феррандо и др.), а также близких к ним мыслителей и ученых-антропологов, таких как В. де Кастру, Э. Кон, Ф. Дескола и др., и сочинения идеологов трансгуманизма и исследователей трансгуманистической теории, ее апологетов и критиков. Библиография исследования насчитывает 244 наименования, треть из

которых — англоязычные. Многие источники и исследования в диссертации цитируются в авторском переводе с английского оригинала, что сообщает работе А.И. Криман безусловную научную ценность, делая ее в полном смысле слова проводником в мир идей постгуманизма и новейших зарубежных исследований этого философского течения.

Во Введении к диссертации убедительно обосновывается актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна исследования, определяются цели и задачи, основные положения, выносимые на защиту, емко и содержательно представлена история вопроса. Несмотря на то, что сама А.И. Криман является в полном смысле слова первопроходцем в исследовании и введении в российский философский и научный дискурс постгуманистических идей и теорий, занимаясь темой постгуманизма с 2016 г. и посвятив ей в рамках обучения в аспирантуре свою научно-квалификационную работу «Философско-антропологический анализ идеи постчеловека», успешно защищенную в 2019 г. на философском факультете МГУ, а также ряд статей в ведущих рецензируемых изданиях, она дает исчерпывающий и скрупулезный обзор не только зарубежных, но и российских исследований постгуманизма, вышедших в 2019–2023 гг. Это свидетельствует как о научной добросовестности исследователя, так и о заданной ею себе высокой этической планке. Представлен во введении к диссертации и обзор ключевых исследований, посвященных акторно-сетевой теории, которую А.И. Криман рассматривает как один из источников формирования постгуманистического дискурса, а также трансгуманизму и русскому космизму. Сознавая, что диссертационное исследование касается русского космизма только отчасти, рассматривает его как одну из философских оптик, позволяющих — через сравнение — выявить специфику постгуманистического и трансгуманистического дискурса, тем не менее отмечу необходимость включения в список источников двух фундаментальных работ С.Г. Семеновой — книги «Тропами сердечной мысли» (М.: Издательский дом «ПоРог», 2012), в которой, помимо

актуализации идей космизма в контексте современности, представлен и анализ основных различий между космизмом и трансгуманизмом (кстати, ссылки на нее присутствуют в третьей главе диссертации), и книги «Созидание будущего: философия русского космизма» (М.: Ноократия, 2020), где, в частности, представлен анализ экологической проблематики в космизме в сопоставлении с идеями глубинной экологии, являющимися одним из источников постгуманизма.

Первая глава диссертации посвящена исследованию философских оснований и предпосылок постгуманистического поворота. А.И. Криман связывает его как с уходящими вглубь классической философии спорами о сущности и природе субъекта, с кризисом гуманизма, обозначившимся в эпоху Великой французской революции и достигшем апогея в XX в. с его двумя мировыми войнами, возникновением тоталитарных идеологий, созданием оружия массового поражения, резким усугублением экологических проблем. Автор диссертации убедительно прочерчивает линии преемственности между постгуманизмом и постмодернизмом, рассматривая концепты «смерти субъекта», «деконструкции», «номадической сингулярности», «де-территоризации», «множественности», «(фал)логоцентрического субъекта», «ризомы», «ассамбляжа» и др. и делая справедливый вывод о том «постгуманизм наследует ключевые понятия постмодернистской теории, перерабатывая их, создает свой собственный дискурс» (с. 20 автореферата). В качестве идейных источников постгуманизма А.И. Криман также указывает «исследования инвалидности (disabilitystudies), исследования животных (animalstudies), постколониальную философию», «интерсекциональный феминизм» и акторно-сетевую теорию Б. Латура, посвящая последний отдельный параграф, в то время как феминистский дискурс, равно как и постколониальная философия будут рассмотрены ею уже во второй главе диссертации.

Значимой вехой движения к заявившему себя в финале XX века постгуманистическому повороту А.И. Криман считает духовную ситуацию

после Второй мировой войны, рассматривая в связи с этим размышления М. Хайдеггера в диалоге с Ж.П. Сартром о несостоятельности европейского гуманизма, оказавшегося неспособным предотвратить катастрофу Второй мировой войны и требующего радикального обновления. При этом А.И. Криман подчеркивает, что, несмотря на стремление экзистенциальной философии XX века обновить гуманизм, последний оказывается отмеченным в конце XX века. Но возникает вопрос: почему предпринятые ведущими представителями мировой философии попытки обновления гуманизма оказались неостребованными новыми поколениями мыслителей, двинувшихся в направлении деконструкции и отмены человека? Попытки, которые далеко не исчерпывались экзистенциальной философией. Важно было бы, говоря о судьбе гуманизма во второй половине XX в. учесть и философскую мысль русского зарубежья послевоенного времени, работы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, и, конечно, фигуру П. Тейяра де Шардена, к работам которого после его смерти и выхода собрания сочинений философа во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. (в них содержался и большой корпус его послевоенных работ, продолжавших и развивавших идеи книги «Феномен человека») европейская и американская мысль проявила исключительный интерес и которые задавали концепцию того самого нового гуманизма, где между природой и человеком не полагалось непроходимой пропасти, где человек и природа отнюдь не оказывались по разные стороны баррикад, напротив, возникновение человека представало закономерным следствием внутренней направленности эволюционного процесса, движущегося, как писала исследовательница наследия ученого С.Г. Семенова, «ко все более сложным, духовно и психически организованным формам». Было бы принципиально важно в разговоре о кризисе гуманизма и перспективах его преодоления учесть и фигуру идейного собрата П. Тейяра де Шардена В.И. Вернадского, для которого нет разрыва между культурой и природой, ибо культура – средоточие ноосферы, нового, творчески организованного состояния биосферы Земли.

Примечательно, что в работе «Несколько слов о ноосфере», написанной в разгар Второй мировой войны, В.И. Вернадский подчеркивая антиноосферный характер фашизма, противоречие идеи расового превосходства не просто этике, но онтологии, глубинному вектору развития жизни: «Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей». Тем самым полагаются основания нового, «ноосферного гуманизма» (выражение И.М. Борзенко), который, основываясь на субъект-субъектном подходе, тем не менее не отрицает ключевой роли (а значит и ответственности) человека в природе. И опять-таки почему в конечном итоге в философском дискурсе конца XX – начала XXI вв. восторжествовала не вернадско-тейяровская модель, а растущая из постмодернизма постгуманистическая модель, отказывающая человеку в той роли «хозяина доброго», которая, согласно Книге Бытия, была задана ему еще при сотворении?

Впрочем, в самой этой модели, возникшей в эпоху Антропоцена, когда волюнтаристическая, непросчитываемая деятельность человека в природе, не имеющая (что важно понимать) ничего общего с исполнением заповеди об обладании землей, обернулась экологическим кризисом, безусловно присутствует нравственный, созидательный смысл. И эту этическую интенцию постгуманистического поворота, ее плодотворность для современности и для будущего убедительно демонстрирует А.И. Криман: «Мы не можем игнорировать тех, кого со смертью главных иллюзий модерна «озарили» лучи субъектности. Идти против этой траектории – не значит безобидно отстаивать призраки былого величия. Это значит игнорировать тех, кто находился по ту сторону бинарного означивания, носителей зомодальностей (женщин, детей, животных, представителей миноритарных сообществ). Это значит не подать руки вроде бы более слабому, закрыть дверь перед просящим кров как будто бы «чужим» (с. 66 диссертации). Субъект-субъектный подход, декларируемый постгуманизмом, выступает основанием пересмотра привычной системы координат, где человек

определяется своей национальной, расовой, гендерной принадлежностью и где между представителями разных групп потенциально возможны (и возникают, и ширятся) малые и большие конфликты. Оптика постгуманизма, снимающая оппозиции, оказывается потенциальной основой трансформации системы социальных отношений и связей, основ международных отношений в мире III тысячелетия. Более того, в постгуманистической идейной пересборке можно обнаружить – в существенно редуцированном и трансформированном виде, но все-таки обнаружить! – и биосферные идеи В.И. Вернадского, и его идею «планетизации человечества».

Включение в постгуманистический дискурс концепта «Другого» как подноценного и равноправного субъекта, а не чуждого, иерархически неравного, провоцирующего или на реакцию обособления, или на соблазн доминирования над ним, переключение типа отношения к другому с субъект-объектного на субъект-субъектный, заставляет поставить вопрос о том, возможно ли говорить о философии диалога, активно развивавшейся в XX веке и не менее востребованной, чем акторно-сетевая теория, как одном из источников формирования проблематики постгуманизма. Обращение к этой линии мысли, на мой взгляд, оказывается плодотворным для выяснения генезиса постгуманизма и тех философских теорий, которые в том или ином, трансформированном виде формируют его идейный комплекс.

Вторая глава диссертации посвящена аналитическому описанию феномена постгуманизма, представлению и разбору его базовых идей, определению влияния постгуманистической мысли на современное состояние и перспективы развития социальной философии и практики. Это наиболее значимая и в полном смысле слова новаторская глава диссертации. Опираясь на многочисленные источники, большинство из которых англоязычные, А.И. Криман исчерпывающе представляет философскую систему постгуманизма, основанную на деантропологизации и деконструкции, на принципиальном снятии оппозиций «естественное/искусственное», «культура/природа», «организм/машина», «животное/человек»,

«субъект/объект», «мужчина/женщина». В главе подробно анализируются и уточняются понятия пост-антропологизма, пост-дуализма, пост-иммортализма (последний термин является авторским и убедительно обоснован соискательницей). Обращаясь к ключевому понятию постгуманизма – «постчеловек», А.И. Криман подчеркивает принципиальную разницу между его наполнением в постгуманизме и трансгуманизме: если для трансгуманистов постчеловек – не то, что есть, а то, что должно быть, то для постгуманистов постчеловеческое уже существует, является частью реальности, нужно только сменить точку зрения, отказавшись от центрированности на человеческом, преодолеть иерархичность в классификации живого, отказаться от линейности развития. А.И. Криман применяет к постгуманистической трактовке человека принцип ризомы и, исходя из нее, показывает крушение концепции «витрувианского человека», спровоцированное, помимо всего прочего, и опытом двух мировых войн XX века.

Существенное внимание в данной главе, как впрочем, и во всей диссертации, А.И. Криман уделяет реконструкции социальной оптики постгуманизма, предлагая своего рода «пересборку» вечных вопросов человеческого существования, ставя на смену кантовским вопросам, центрированным на человеке: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?» вопросы, сформулированные в постгуманистической системе координат: «Как нам быть со-знанием? Где размываются границы человеческого и не-человеческого? Почему необходимо переосмыслить феномен смерти? Что такое постчеловек?» (с. 24 автореферата). Анализируя данный мировоззренческий сдвиг, характеризующий отказ «от главенствующей роли Антропоса», придание права голоса нечеловеческим субъектам, большим и малым, природным и технологическим, А.Я. Криман считает его «очень плодотворным» (с. 92), способным существенно обновить не просто мышление, но и действие человека в мире, как в плане взаимодействия с себе подобными, так и с

животными, растениями, бактериями, звездами и галактиками, техническими орудиями, нейросетями и др. – со всей полнотой вселенского бытия. Проясняя введенный ею концепт пост-иммортиализма, она подчеркивает, что постгуманизм избавляет от страха смерти, предлагая новую оптику: «Все существа оказываются переплетены и включены во взаимопроникающие, взаимоубивающие, взаимовозрождающие отношения жизни и смерти» (с. 104 диссертации). Можно, конечно, поспорить, насколько эта оптика новая, не является ли она возрождением культа Magnae Matris и проявлением того, что представители философского космизма 1920-1930-х годов А.К. Горский и Н.А. Сетницкий называли «смертобожничеством», но этот вопрос является уже частью той самой «внешней критики постгуманизма», которой посвящен завершающий параграф второй главы диссертации А.И. Криман. Этот параграф хотелось бы отметить особо. А.И. Криман дает в нем подробный и концептуальный разбор основных линий полемики с трансгуманизмом, разворачивающимся в пространстве как российской, так и зарубежной философской мысли, давая убедительную классификацию типов этой критики: «концептуальный, деятельностный, идеологический, политический, религиозный, психологический» (с. 105), выявляя особенности каждого типа и в то же время отмечая свойственное всем им неприятие деантропологизации, происходящего в постгуманизме разрушения феномена человека.

Третья глава диссертации посвящена развернутому сопоставительному анализу постгуманизма и трансгуманизма и представляет их как две альтернативные антропологические и социально-философские модели, одна из которых построена на тезисе о потенциальном всемогуществе человека, которому, опираясь на науку и технологии, надлежит усовершенствовать собственную природу, усилить интеллект, достичь бессмертия, а вторая настаивает на равноправии человека с другими акторами – от бактерий, растений, планктона, плесени до машин и нейросетей, первой присуща идея совершенствования жизни и человека, вторая принимает жизнь, смерть и

человека как данность и не стремится что-то в его природе усовершенствовать. А.И. Криман дает развернутый анализ генезиса трансгуманизма, рассматривает становление его системы идей, представляет основные фигуры течения, излагает его базовые принципы. Рассматривая комплекс идей и проектов трансгуманизма, классифицирует их на «условно-положительные», связанные с проблемой улучшения качества жизни человека XXI века, и «условно отрицательные»: последние оперируют понятиями «сильного искусственного интеллекта», требуют активной перестройки телесности на основе нанотехнологий, утверждают возможность бессмертия через загрузку сознания, его переноса на нематериальный носитель. Проведенное разделение представляется актуальным, позволяя выделить в трансгуманистических проектах, опирающихся на новые технологии, общезначимое ядро и в то же время осмыслить риски технологического рывка, совершающегося в отрыве от этики. При этом для самой А.И. Криман условно отрицательные идеи и проекты трансгуманизма значительно перевешивают условно положительные и на целом ряде страниц она разворачивает критику основных положений трансгуманистической теории с точки зрения постгуманизма.

Солидаризируясь со многими положениями этой критики, не могу не выразить недоумения в связи с проведенным в работе сближением трансгуманизма с течением русского космизма. Понятно, что в задачу исследования не входил специальный анализ русского космизма, но категоричное утверждение диссертанта: «Русский космизм – это отечественный вариант трансгуманизма» (с. 136 диссертации), безусловно, нуждается в корректировке. Ведь и сама А.И. Криман, отмечая черты сходства обоих течений (последовательный иммортализм, идея совершенствования человека, утверждение роли науки), подчеркивает их существенное расхождение в этическом плане. Следовало бы обратить внимание на то, что большинство исследователей русского космизма как в России, так и за рубежом, проводят демаркационную линию между космизмом и трансгуманизмом. Это М. Мадей-Цетнаровска (Польша), В. Меденица

(Сербия), В. Варава, С. Семенова, А. Гачева, О. Куракина, О. Маслобоева, М. Абрамов и др. Введение в научный оборот философского наследия космистов 1920-1930-х гг. А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, существенно усиливающих религиозно-этический вектор философии космизма, дало бы существенную коррекцию к той достаточно спрямленной и поверхностной схеме, которая представлена в данной работе, но их имена в диссертации даже не упомянуты.

Кстати, отмечу, что, в отличие от анализа постгуманистических и трансгуманистических теорий, который проведен на текстах их авторов и ведущих представителей, изложение системы идей русского космизма строится не на текстах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, а на вторичных источниках, на суждениях и интерпретациях исследователей этого направления. В результате оказываются возможны такие грубые aberrации, как утверждения соискателя о том, что «Федоров призывал вообще отказаться от естественного рождения в пользу воскрешения мертвых (во избежание перенаселения космоса)» (с. 132) и совершенно игнорируется специфика социальной философии русского космизма, в центре которой – выраженная Н.Ф. Федоровым идея общества по образу и подобию Троицы. Более того – сама регуляция природы у Федорова предстает как устройство природно-космической жизни на началах неслиянно-нераздельного, питаемого любовью единства, которое явлено в бытии Божественных лиц. Тем самым мы можем говорить о субъект-субъектном, а не субъект-объектном подходе у представителей русского космизма и здесь могут возникнуть плодотворные дискуссии о соотношении идей космизма и постгуманизма.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация А.И. Криман, обладающая актуальностью, высокой теоретической значимостью, научной новизной, представляется значимым вкладом в исследование постгуманистической теории и ее социальных проекций. Безусловно на основе диссертационного исследования

автором должна быть подготовлена научная монография. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Криман Анастасия Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
заведующая Отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья федерального государственного бюджетного учреждения науки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

ГАЧЕВА Анастасия Георгиевна

 А.Г. Гачева

8 мая 2024 года

Контактные данные:

тел.: info@imli.ru, +7 (495) 690-53-08

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а,
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Отдел
новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья
Тел.: info@imli.ru, +7 (495) 690-50-30

Подпись А.Г. Гачевой удостоверяю:

12

